

Анатолий Байбородин

Анатолий Байбородин – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. С 2017 года – главный редактор журнала «Сибирь», член редколлегии журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах, коллективных сборниках, а также в Чехословакии, Германии и Франции. Является лауреатом Всероссийских литературных премий: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» им. братьев Киреевских (1999), им. Василия Шукшина (1999), Большой литературной премии России (2007), премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» (2015), им. Петра Ершова (2017), Всероссийской национальной премии им. Валентина Распутина (2018). Живёт в Иркутске.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТЬМЕ

О книге Александра Орлова «Купель покаяния»

Азь есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.

Ин. 15:1–2

Милосердие

Высокое духовное достоинство книги Александра Орлова «Купель покаяния» в том, что писатель мировоззренчески не опирается на мудрость мира сего, ибо апостол Павел поучал: «...Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор 3:18–19). В мудрости мира сего, мудрости дольней, нет вечных, душеспасительных истин, кои таятся лишь в мудрости божественной, мудрости горней. А посему помянутая книга Александра Орлова не оглашает идеи суетного мира, преходящие, запыленные, обманчиво увлекательные, иногда смертельно опасные; нет, истории, запечатлённые в рассказах, прямо или косвенно обретают христианское осмысление.

Читаю рассказ «Молитва матери»... Будучи на практике, студент-медик провинился: устроил «кощунственный бардак», играя в футбол возле морга, – и заведующий больничным отделением в наказание посылает кощунника ухаживать за тяжело больной женщиной. Здесь и таился Промысел Божий... Чудом вообразив в медбрата покойного сына, болезненная беседует с воображённым, и тот вольно ли невольно слушает горестную исповедь, восходящую к проповеди Христа ради. Покаянная похожа на евангельского мытаря, что «не смел даже поднять глаз на небо», но сокрушённо и горестно бил себя в грудь, вопия: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18:13). Будучи в совершенной православной вере, женщина кается, что во времена яростного хрущёвского богоборчества побоялась окрестить сына. «Христос нам завещал, чтобы крест свой мы себе создали, а я его себе создала, а тебе побоялась, значит, и твой крест теперь мой. Все болезни твои стали моими, оттого что крестом я тебя обошла. С Богом тебя не соединила, печати Господней на тебе нет. Как свидимся мы с тобой по воскресении? Я всё вспоминаю, как тебя мёртвого сама крестила, пока в морг не забрали, как отпевание заказала. А можно ли было? Но ведь Господь милостив! Я утром в лучах солнечных святого Уара видела, он ко мне шёл с тобой вместе, спокойный такой. Не зря молилась я ему за тебя ночи напролёт. Увидимся мы с тобой скоро, ведь говорят, что молитва матери со дна моря поднимает, неужто из мёртвых тебя не воскресу...»

В молитве матери об усопшем сыне звучит и горькая исповедь перед Христом и горняя проповедь Христа; а студент, по воле Божией вынужденный слушать исповедь, равную проповеди, поначалу духовно сопротивляется, но потом чувствует, как и в его душу входит покаянная любовь ко Всевышнему и ближнему. Ещё вчера обвинённый в кощунстве, студент размышляет и поступает по-христиански: *«Проходя мимо морга, я думал, что там теперь тело той, чья любовь способна поднять с любого дна. Светило солнце. Раздавался колокольный перезвон от Свято-Даниловского монастыря. В храме Святого преподобного Серафима Саровского я подал записку об упокоении новопреставленной рабы Божией Елены».*

Книжники и фарисеи, что любят красоваться внешней набожностью, брезгливо и высокомерно созерцают, обличают грешный мир, а герои книги, в чьих душах негасимый свет православной веры, будучи не теплокровны, воплощают любовь ко Всевышнему в деятельной помощи ближним. Таков своеобразный по характеру Дмитрий Ружников из рассказа «Мостырник», что разочаровался в суетном мире, тем паче обезбоженном, и, отслужив в десанте, принял монашеский постриг. Послушник восходил к святому житию, но сорвался – побил ряженого казака, долго и скверно оскорблявшего его, и был изгнан из святой обители. Но Ружников, монашествуя и в миру, служит грешникам, павшим на житейское дно. А помощь житейская, но Христа ради, – во спасении душ. Писатель размышляет: *«Теперь я понимаю, что никогда не видел его пьяным, он не курил. Вспоминаю его лицо, и мне становится ясно, что оно не приобрело изменений, характерных для пьющего человека. Как-то вечером, проезжая на машине, я видел Диму, который растаскивал по домам пьяных уличных друзей, потом я видел, как он договаривался, чтобы разрешали спать в метрополитене бомжам, провозжал инвалидов-попрошаек домой. Только сейчас мне становятся понятны его слова, сказанные при одной из последних наших встреч: “Я могу служить Господу по-своему, я знаю, как. Ты знаешь, я смог полюбить страдания, которые, на удивление, очищают душу. Всё, как завещал святитель Лука, сбывается”».*

Вот и старуха из рассказа «Стародавница» проповедует деятельную любовь к ближним, даже если иной ближний тебя и на дух не переносит: *«Одна старица говорила, что если вам что-нибудь плохое или обидное говорят старые, больные или кто из ума выжил, то не слушайте, а просто им помогите. Помогать больным нужно всем сердцем, и прощать им надо всё, что бы они ни сказали или ни сделали».*

Подобен святому Иоанну Милостивому Дмитрий Ружников, подобен и дядя Вася из рассказа «Юродивые дни», который всегда приходит на выручку, словно обитает незримо рядом с бедолагами. В сем рассказе, столь глубокомысленно и красиво названном – «Юродивые дни», действие происходит в лихолетье, когда на фронте русские гибли от пуль и осколков, а в тылу – от голода и холода. И слава богу, что, бывало, являлись избавители, подобные дяде Васе, и спасали от гибели. *«Мама мне рассказала, что избавитель наш в раннем возрасте подвизался на монашеской ниве, был направлен на остров Свирь в Свято-Троицкую обитель, откуда бежал после осквернения монастыря, – так в нашем городке объявился беглый инок. Дядя Вася высоченный был и худющий: он мне всегда орясину¹ напоминал. Жил монах уединённо в землянке на самой окраине».*

В рассказах утверждается, что деятельная любовь к ближним изначально выражается в молитве: *«Мама большая постница была, всё, как положено уставом церковным, соблюдала. Таких-то, как мама, Богородица завсегда услышит»* («Девичья краса»).

Писатель часто изображает храмы – внешний облик, внутренний и даже во время литургии; и столь своеобразно и верно, опираясь на Святое Писание толкует о храме старушка из рассказа «Стародавница»: *«...Женщина двенадцать лет страдала кровотечением, и подошла сзади к Спасителю, и коснулась края Его одежды. Она сама себе говорила, что если прикоснусь к одежде Его, то выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев её, сказал: “дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя”. Женщина с того часа стала здорова. Так вот, храм этот как риза, а молитвы наши – это как прикосновения, ты чаще ходи и жизнь другую увидишь».*

«Слепые или глухие это не те, кто не видит или не слышит, а те, которые за Богом не следуют»; герои книги Александра Орлова – и слепые, и зрячие, но, слава богу, что и иные слепые жаждут обрести зрение.

¹ Орясина – жердь, оглобля, верста, долговязый парень, шест, кол, дубина, хворостина.

Война и вера

Писатель Александр Орлов, будучи молодым, тем не менее часто поминает Великую Отечественную войну как мерило души, и герои рассказов – фронтовики либо труженицы тыла, ныне старики и старухи, – вспоминают военное лихолетие, кое пережили лишь с Божией помощью. Без Бога ни до порога...

В рассказе «Коренной перелом» фронтовик, потерявший ноги на поле сражения, награждённый орденами и медалями, вспоминает: *«Так повелось, что перелом в войне стали именовать коренным после Курской дуги. Только не ведали, что столетия назад под выжженным татарвой Курском была найдена икона Божьей Матери “Знамение”. Образ прославлен как Курский и хранился в Коренной пустыни. Она, Спасительница наша, под Курском была, и перелом Курско-коренной – Пречистой Девы след».*

Горька судьбинушка безногого фронтовика, отвергнутого родными по плоти: *«Ну, а что там потом... Госпиталь, гангрена, вот ноженьки-то мои и оттапали. А после госпиталя приехал я домой, а меня не ждут. Злыдни эти, – и он указал рукой на дверь, – они меня не приняли, да и кому-я такой-нужен-то... Жил я опосля на вокзале. Там Ириша, Царство ей Небесное, пресветлый рай, меня и подобрала».*

В рассказе «Прощальный мундиаль» пятнадцатилетний подросток, засветив телевизор, жаждет посмотреть футбольный матч сборной СССР на чемпионате мира. Но *«перед самым началом трансляции дверь распахнулась, и с улыбкой и извинениями в комнату, прихрамывая, заспешил Александр Ефимович. Как обычно, старик был одет в каштановый пиджак с орденом Красной Звезды поверх белой майки и синие тренировочные штаны, которые он усиленно вытягивал, подгоняя под армейские галифе. Я не был рад его появлению. Но как прогонишь старика? Усаживаясь на стул, Александр Ефимович весело начал разговор...»*

Так, болея за русских футболистов, что на футбольном поле сражаются с румынами, старик вспоминает Отечественную войну и безжалостно клянёт румынских и венгерских извергов, что в жестокости превосходили и германских: *«Мы их с Мишкой-одесситом в плен даже не брали. Давили [танком]! (...) Фронтовик с трудом самостоятельно передвигался, но с какой яростью он вспоминал, как честно и люто ненавидел, я подумал, что в нём живёт та самая строчка из священного гимна Василия Лебедева-Кумача: “Пусть ярость благородная вскипает, как волна, – идёт война народная, священная война”, только для Александра Ефимовича война была не закончена».*

Пуще «немчуры» и «мадьяр поганых», пуще румын, хотя и «суки продажные», возненавидел фронтовик украинских бандеровцев: *«– ...Я бандеровских^{1,2}, выблюдков до середины пятидесятых истреблял, так что – в расчёте...»*

Бывалые русские не смирились с бандеровцами даже после хрущёвской амнистии. *«Как я узнал позже, мой отчим студентом был на практике в Алтайском крае, он вернулся домой с беременной девушкой Надеждой. После войны Александр (папаша отчима. – Прим. А. Б.) работал в МГБ, и для пенсионера-чекиста не составляло труда узнать всё о новоиспечённой родственнице. Как оказалось, барнаулка была дочерью одного из оуновцев³, после лагерного срока осевшего на Алтае. В морозный вечер на Сретение Александр Ефимович выгнал сына и сноху с ребёнком».*

Восемьдесят лет назад русские соколы истребляли змеиное нацистское племя на поле брани; и вновь светится в небесах образ Георгия Победоносца, вонзившего копие в змея поганого, и вновь Господь Бог благословляет русских воинов на битву против супостатов. И фронтовик, словно клопов,

¹ «Нахтигаль» (нем. *Nachtigall*) – специальное подразделение (батальон) группа «Север» дружин украинских националистов, «Украинский Легион им. С. Бандеры» – вооружённый отряд, состоявший преимущественно из членов и сторонников ОУН(б), сформированный и обученный абвером для действий в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800» (нем. *Lehrregiment «Brandenburg» z. b. V. 800*) в операции «Барбаросса» на территории Украинской ССР.

² Бандеровцы – Украинская повстанческая армия (УПА) – вооружённое крыло ОУН(б). Действовала с весны 1943 года на территориях, входивших в состав генерал-губернаторства (в Галиции – с конца 1943-го, на Холмщине – с осени 1943-го), рейхскомиссариата Украина (в Волыни – с конца марта 1943-го) и румынской Транснистрии (Заднепровья), с лета 1944 года – в Северной Буковине.

³ ОУН – Организация украинских националистов – украинская политическая организация, действовавшая в основном на территории Западной Украины (период наивысшей активности – конец 1920-х – 1950-е гг.).

давивший бандеровцев танками, в жестокости не кается, хотя и верит в Бога. «*Всматриваясь в иконы, старый коммунист взглянул на меня и спросил: “Как думаешь, Бог есть?” – “Есть”, – ответил я.*

В рассказе «Первые осенины» писатель живо, словно очевидец великих человеческих мук и смертей, описывает, как гитлеровские фашисты бомбили русские да и нерусские города и селения, убивая мирных жителей: «*А потом налетели “лаптёжники” и давай бомбить, вой от “юнкеров” ярый исходил, я от страха коченела. Рвануло рядом с блиндажом, в укрытие никто не успел. Маму отшвырнуло взрывной волной, а меня покорёжило, осколки попали в грудь, шею и голову, а самый большой в косах запутался. Очнулась, а вокруг меня соседские ребятишки лежали и родители вперемешку. Белый снег перемешался с грязью, и всё это каменело на глазах... (...) Госпиталь на нашем берегу “лаптёжники” разбомбили сразу, как мама меня увезла домой. От врачебного дома остались только дымок и кирпично-чёрная россыпь».*

Супостат фашистский даже детей обстрелял из пулемёта: «*“Лаптёжник” оторвался от стального косяка, спикировал на нас под адские вопли. Взрывом меня оглушило. Я упала в воду и пошла ко дну. Слава богу, постоялец наш увидел, как я тону, и прыгнул за мной, схватил за косы и вытянул меня, а немец всё осыпал и осыпал нас пулёмётными очередями».*

Свет и тьма

«Добродей» и другие рассказы – картина причудливого мировоззренческого клубка в сознании неких избранных товарищей рабоче-крестьянской империи: вера в безбожный «земной рай» и одновременно поклонение православно-христианским святым и святыням – поклонение, кое предтеча веры во Христа. Лирический герой – чадо малое – волей провидения оказывается между богоборческим и боголюбивым миром. Парнишка поначалу не желает носить на груди крестик, данный по крещению, ибо не верит в Бога, но в завершение рассказа воистину чудом в отроке пробуждается вера во Христа: «*По дороге в школу я плакал, в голове у меня всплывали слова святого преподобного Серафима Саровского: “Рай и ад начинаются на земле”. Я совсем не помню, что было в тот день в школе, но, придя домой, я узнал, что мамы ещё нет, и мы ждали её все вместе. Она вернулась к вечеру. Всклокоченная, нервная, но решительная. Я подошёл к маме и сказал: “Где мой крест? Верни мне его. Я буду носить”».*

Мастерски изображён в рассказе потаённый и сложный герой, напоминающий «бесов» Достоевского – очевидно, сотрудник карательных органов, который, будучи по натуре революционным богоборцем, ради безбожного «рая на земле» изрядно сгубил российских людей. Революционный каратель поучает мальчишку: «*– Ты должен знать: стрелять – это особое искусство! – Он сказал это протяжно, словно смакуя, и начал наводить пистолет на затылок куклы моей младшей сестры. И говорил, не умолкая: – Смотри: надо, чтобы ствол пистолета был наведён к основанию шеи, нужно слегка приподнять его вверх, тогда пуля вылетит из глаза – и крови будет немного, ты не испачкаешься. На, возьми, вот потренируйся пока, тебе это может ой как пригодиться в жизни. Поверь мне, я знаю это точно».*

Воистину, вечные революционеры, подобные быломu карателю, – суть сатанаилы, ибо «Сатана был первый революционер и чрез это спал с неба».

В рассказе «Однородец» писатель показал старуху, молодость которой прошла в Сталинскую эпоху. Но в России уже царит дикий капитализм, и старуха, случайно увидев уличных проституток, приходит в ужас, словно узрела ритуальный сатанизм: «*По-всякому мы жили, всё было: и скотину у нас, как у зажиточных, отбирали, и церкви рушили, и книги святые жгли с иконами, и отбирали – по домам ходили – всё что можно, и войну мы пережили великую, и папу я потеряла, и с голоду дохла, и тиф меня убивал, и “Юнкерс” бомбил, да так, что осколок меня поранил. Но, чтобы посреди города, да ещё в столице, почти в центре, срамные девки стояли и собой торговали на свету, пред ликами святыми, что на стенах больничных, такого никогда не было. Это что он там, в Кремле, дурак, пришибленный пыльным мешком, себе думает? Что, знать, от водки там совсем умом рехнулся? (...) Бог меня... покарал, вон я какая народилась (...) с шестнадцати лет мужикам на загляденье... Господи, как я стеснялась, из дома выходить лишний раз не хотела, всё понимала, что глазеть будут, и плакала...»*

Рассказы Александра Орлова, за исключением избранных лирических сказов, по духу и мысли – жёсткая проза, не облачённая в словесные кружева, изобразившая бездну и небеса, человечье дно и благочестивых богомольцев. В рассказах исповедники божественного света, исповедники любви ко Всевышнему и ближнему в яростной схватке с глашатаями дьявольской тьмы. А грешники, подобные лирическому герою, мечутся меж спасительным светом и соблазнительной тьмой, и слава богу, что в душах, живых, страдающих и сострадающих, не гаснет свет покаяния. Господь пришёл не ради праведников, но ради грешников, и возгласил фарисеям и книжникам: *«Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперёд вас идут в Царство Божие»* (Мф. 21:31).

В рассказе «Девичья краса» два полярных мира: мир дьявольской тьмы и мир божественного света. Вот мир тьмы ворвался в мир света: *«...Маковки сорвали, иконы пожгли, а сосуды богослужебные, кресты, оклады иконные – всё на переплавку пустили, одежды священников, покровы на престольные на половики и тряпки изодрали, мы всем городом взвыли, когда из икон кормушки для скота мастерили, а сколько ликов святых на собачьи будки пошло».*

И в рассказе «Блаженная пигалица» мир дьявольского зла обрушился на мир божественной любви: *«...Мама нашей блаженной пигалицы была подполковником военной разведки, дошла до Берлина. На фронте эта благородная женщина встретила любовь, они служили вместе, весной 1945 года бритоголовые подростки из гитлерюгенда (мир дьявольского зла. – Прим. А. Б.) обстреляли “Виллис”, в котором ехала счастливая пара победителей... Мама возле горящей машины до срока родила девочку Таню, «блаженную пигалицу», коя, увы, родилась уродливой, до смерти испугавшись в материнской утробе. Прошло семьдесят лет после Победы над фашистами, мама состарилась, но и в старости вновь пострадала от мира адской тьмы, подобной фашизму: «выродок (подобный бритоголовому подростку из гитлерюгенда. – Прим. А. Б.) ударил девяностолетнюю старуху ножом под лопатку, забрал у неё кошелек и попытался вырвать старинные серьги. (...) Я увидел обезображенное смертью лицо бритоголового крепыша»...*

Миру дьявольской тьмы противостоит мир людей, кои любят ближних, сострадают убогим, подобным Лазарю, «который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его» (Лк. 16:20, 21). И в противостоянии тьме люди света бывают решительны и суровы. В рассказе «Блаженная пигалица» автор находится словно меж двух миров – дети, что дразнят юродивую и уродливую Таню, дочь мужественной женщины – героического и трагического подполковника военной разведки. Бегают огольцы вокруг Тани и вопят: «Танечка, Танечка, Танечка-дурочка...»

Родители из сострадательной любви к Тани сурово наказывают дерзких детей: *«Через минуту я поймал строгий взгляд матери. (...) Как только я подошёл к ней, получил сокрушительный удар по щеке, у меня на мгновение потемнело в глазах, чуть повело в сторону. (...) А рядом с мамой стояла наша соседка тётя Шура, которая подозвала своего внука, моего закадычного друга Андрея, и врезала ему ещё сильнее...»* В русском народе жила старинная поговорка о наказании нагрешивших детей: «Бьют не ради мучения, а ради спасения»; вот и родители наказали сыновей, дабы не поглотила отроков искусительная, дьявольская тьма, убивающая души.

В рассказе «Отработал» Александр Орлов описывает свадебный пир, где собрались сидельцы, не единожды коротавшие годы за решёткой; и «особо опасный рецидивист» ведёт сокровенную беседу с лирическим героем. Рассказ мог обратиться в мрачное, беспросветное повествование либо в романтизацию уголовного мира, как в блатных песенках. Но старый зэк вдруг начинает вспоминать заключённого священника, который сказал вору в законе: *«У тебя впереди самая большая кража твоя. Если не одумаешься, поймёшь, да поздно будет»... «– Конечно, прав был батюшка. Я жизнь у себя украл. Понимаешь, Сашка? Жизнь...»*

Яко душеспасительный завет русским людям, звучат в книге слова блаженной Матроны Московской: *«Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»*

